

# Благодарности

Много лет прошло с тех пор, как я начал заниматься Томским. Я рад поблагодарить тех, кто финансировал мои исследования и написание этой книги на всем протяжении моей работы. Вне Техасского университета в Остине я получил грант от Совета по международным исследованиям и обмену (IREX), стипендию Института Кеннана для углубленных исследований России, а также премию Национального совета по исследованиям СССР и восточноевропейских стран. Средства, поступившие от самого университета, включают грант Университетского исследовательского института, стипендию декана, а также стипендию Института исторических исследований.

Мое исследование многократно приводило меня в различные архивы и библиотеки. В частности, я признателен всем архивистам и сотрудникам, помогавшим мне в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и архивах Гумбольдтского института. Я также выражаю особую признательность сотрудникам, занимающимся межбиблиотечным обменом в библиотеках Техасского университета, которые раздобыли почти все, что я запрашивал, сколь бы редким и малоизвестным это ни было.

На всех этапах этого проекта я получал поддержку в виде ценных вопросов и комментариев от коллег на бесчисленных конференциях, включая ту, которую я сам проводил в Техасском университете. Я благодарен Алексису Погорельскину за то, что он превратил доклады на этой конференции в особый выпуск журнала «Canadian-American Slavic Studies». Барбара Аллен, Клейтон Блэк и Уильям Чейз сделали среди прочих ценные

предложения в качестве комментаторов на заседаниях Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований. Кроме того, я получил полезные рекомендации относительно различных фрагментов этой книги на замечательных собраниях сотрудников Группы по исследованиям революционной России. Помимо этого, Джудит Коффин и Леоне Масгрейв предоставили ценные сведения касательно отдельных глав, а Ларс Ли обнаружил ошибку в одной из моих статей о Томском. Барбара Аллен любезно поделилась некоторыми записями, которые она сделала в архивах Федеральной службы безопасности (ФСБ).

Ранние наброски к главам этой книги публиковались в виде статей. Я благодарен издателям за разрешение включить их в книгу. Часть первой главы была опубликована как [Wynn 2012]. Часть четвертой главы выходила как [Wynn 2014]. Часть шестой главы фигурировала как [Wynn 2019]. Наконец, часть седьмой главы была напечатана как [Wynn 2010]. Я благодарен всем анонимным рецензентам, высказавшим редакторские замечания по поводу этих ранних набросков, в особенности Барбаре Аллен. Два рецензента, ознакомившиеся с полной рукописью книги для издания в рамках серии «Исторический материализм», одним из которых был Клейтон Блэк, также сделали ценные замечания.

Мне повезло, что на историческом факультете Техасского университета я работаю с готовыми помочь коллегами и замечательными друзьями, прежде всего Джудит Коффин, Дэвидом Крю, Татьяной Лихтенштейн и Майклом Стоффом. Особенно я благодарен Джоан Нойбергер, моей всегда первой читательнице, делающей множество ценных предложений. Она неизменно мой лучший друг, мудрая коллега и бесконечный источник поддержки. Нас также объединяет любовь к двум нашим замечательным сыновьям, Максу и Джоэлу. Им я и посвящаю эту книгу.

# Введение

«Без партии жить не могу», — сказал М. П. Томский своему 15-летнему сыну, прежде чем взять одно из своих охотничьих ружей и застрелиться [Горелов, Шаповалова 2001: 150]. Самоубийство Томского летом 1936 года, преданного члена партии с момента ее основания и одного из трех партийных лидеров, которые в конце 1920-х годов отчаянно пытались помешать сталинскому курсу на драконовскую индустриализацию и насильственную коллективизацию сельского хозяйства, стоившему жизни миллионам людей, потрясло членов большевистской партии. Оно стало одной из первых смертей во время Большого террора, накануне массовых репрессий, происходящих в течение следующих 2,5 лет. Томский был непреклонен в намерении самому решить свою судьбу с того момента, когда он понял, что Сталин, его бывший друг и политический союзник, взял его на прицел. Томский не собирался оказывать последнюю услугу партии и на Московском показательном процессе каяться как враг народа в нелепице о том, что он якобы был террористом и фашистским шпионом<sup>1</sup>. Не собирался он и отречься от большевистской партии, что означало бы отказ от практически всей его сознательной жизни. Многие на Западе не без оснований считали Томского трагической фигурой.

Если о Ленине, Сталине, Троцком и Бухарине написано бесчисленное множество биографических исследований, то о Томском практически не существовало литературы за пределами России,

---

<sup>1</sup> Кестлер в классическом романе «Слепящая тьма» предполагал, что именно представление о «последнем долге» побуждало «старых большевиков» признаваться в преступлениях, которых они не совершали, на показательных процессах [Кестлер 1989: 186].

за исключением той, где его имя связывалось с Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым, лидерами того, что сталинисты заклеили как «правый уклон», а позднее — как «правую оппозицию»<sup>2</sup>. Томский до сих пор остается, по выражению Джерри Хафа, «теневой фигурой в большинстве исторических исследований, посвященных тому периоду» [Hough, Fainsod 1979: 118]<sup>3</sup>. Однако признание роли Томского имеет центральное значение для понимания ранней советской истории, поскольку, будучи главой профсоюзов и одним из членов политбюро, оргбюро ЦК ВКП(б), Центрального исполнительного комитета СССР и Исполкома Коминтерна, он занимал места во всех важнейших директивных органах раннего Советского Союза. Кэтрин Мерридейл в своей воодушевляющей апологии научной ценности, которую имеют биографии раннесоветских политических лидеров, опровергает расхожее мнение о неуместности жанра политической биографии для серьезного исторического исследования, утверждая, что «биография — это не просто удовлетворение нашего любопытства о физических лицах. Она также позволяет составить представление о коллективном мировоззрении одной из самых примечательных групп людей в политике XX века» [Merridale 1995: 37].

Бегло упоминая Томского в исследованиях о 1920-х годах, историки несправедливо отмахивались от него как от наивного неудачника в политических маневрах после смерти Ленина — простодушного, необразованного рабочего среди интеллектуально превосходивших его и политически безжалостных партийных лидеров. Хотя историки с разными взглядами утверждали, что сталинизм был почти неизбежен, победа Сталина над теми, кого он называл «правыми», была гораздо более случайной, чем кажется. Такой исход событий едва ли виделся предпрешенным их

<sup>2</sup> В эпоху Горбачева «реабилитация» Томского привлекла внимание некоторых российских ученых, в частности О. И. Горелова [Горелов 2000], к его фигуре. Горелов щедро поделился своей рукописью со мной, когда представлялось, что ее невозможно издать в России.

<sup>3</sup> Зиновьев и Каменев все еще ждут своих биографий, хотя Клейтон Блэк и Алексис Погорельский работают над восполнением этого пробела.

участникам и свидетелям, которые в конце 1920-х годов считали, что для советского руководства существуют альтернативные пути<sup>4</sup>. Многие ожидали, что умеренные члены политбюро одержат верх. Л. Д. Троцкий, например, предсказал: «Как Сталин в свое время спустил с цепи против Зиновьева всю зиновьевскую аргументацию против “троцкизма”, так Рыков готовится теперь повторить ту же операцию против Сталина»<sup>5</sup>. Ходили даже слухи, что Томский может заменить Сталина на посту генерального секретаря, что сделало бы его фактическим главой большевистской партии [Reiman 1987: 28]<sup>6</sup>. Хотя теоретические формулировки в защиту НЭПа связываются прежде всего с именем Бухарина, Томский (с его двойной ролью члена политбюро и главы огромной профсоюзной бюрократии) сыграл центральную роль в отчаянной попытке сохранить классово-примирительную политику НЭПа и предотвратить предсказуемо катастрофическую политику принудительной коллективизации и раскулачивания. Томскому, обладавшему политической смекалкой, удавалось спланировать сторонников и ослаблять противников в течение почти 10 лет. Для окончательной победы после смерти Ленина Сталину потребовалось пять лет согласованных усилий, прежде чем он накопил достаточно власти и сумел вытеснить Томского и других умеренных лидеров. Справедливо заключить, как уже предполагалось, что Томский был жестким человеком, но в конечном итоге его политически переиграл Сталин [Коткин 2022]. Это, конечно, не было следствием какой-то уникальной ошибки Томского. Опытный в политическом противостоянии, Сталин в 1920-е годы переиграл всех членов партийного руководства примерно в одинаковой степени.

<sup>4</sup> Биография Бухарина, написанная Стивеном Коэном, остается самым значительным вызовом доминирующей историографии [Коэн 1988]. Э. А. Риз, соглашаясь с тем, что победа Сталина не была неизбежной, утверждает, что «в Центральном комитете и самом политбюро преобладающее настроение было в пользу единства» [Rees 2012: 5].

<sup>5</sup> Цит. по: [Дойчер 2006а: 450].

<sup>6</sup> См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 35. Л. 3–8.

Каким человеком был Томский? Нелегко разглядеть личность, прячущуюся за публичным образом. Как и другие советские лидеры, Томский избегал раскрывать сведения о своей жизни<sup>7</sup>. Кроме того, мемуары, дневники, письма и другие подобные источники, которые могли бы дать некоторое представление о его частной жизни и мыслях, отсутствуют в скудном личном деле, хранящемся в бывшем Центральном партийном архиве в Москве<sup>8</sup>. К счастью, несмотря на отсутствие примечательных эго-документов, о карьере Томского сохранился богатый материал. Его узнаваемый голос отчетливо проявляется в управленческих решениях и спорах с другими руководителями на партийных и профсоюзных съездах и конференциях, пленумах ЦК, заседаниях политбюро и президиума Центральной контрольной комиссии, в статьях, написанных им для партийных и профсоюзных журналов. Особенно это касается его попыток защитить себя от атак сталинского режима в 1930-х годах. Наиболее информативным источником служит стенограмма многодневного допроса Томского, проходившего за закрытыми дверями в 1933 году и побудившего его описать свою жизнь начиная с юности, вступление в революционное подполье, руководство профсоюзами и роль в различных политических спорах внутри политбюро. Другими важными источниками являются позднейшие мемуары младшего сына Томского, арестованного сразу после его самоубийства и много лет проведенного в Сибири, а также откровенные впечатления зарубежных профсоюзных лидеров, с которыми работал Томский. Кроме того, царская политическая полиция пристально следила за Томским

---

<sup>7</sup> Главным исключением среди «старых большевиков» является Троцкий, который прожил долгую жизнь и успел написать автобиографию. Другая примечательная автобиография принадлежит рабочему-интеллекту С. И. Канатчикову.

<sup>8</sup> Личный архив Томского был конфискован из его квартиры, когда семью арестовали в 1937 году [Горелов 2000: 268]. Исследование и публикация книги больше не могут откладываться до того момента, когда Архив президента Российской Федерации сделает доступными бумаги Томского. Проблема осложняется тем, что у Томского не осталось живых наследников, что делает невозможным доступ к его делу в архиве ФСБ, какой, в частности, получила Барбара Аллен для своей биографии А. Г. Шляпникова [Allen 2015].

и его женой в то время, когда он был в революционном подполье. Все это дополняется публикацией большого количества архивных материалов после распада Советского Союза. Помимо газет, относящихся к исследуемому периоду, на русском и других языках, я также опираюсь на обширную вторичную литературу о революционной и сталинской России.

Томский, которого часто называют одним из самых привлекательных и харизматичных большевистских лидеров, пользовался широкой популярностью и большим уважением среди большевиков самого обширного политического спектра<sup>9</sup>. Симпатия к нему обуславливалась отнюдь не его внешним видом. Томский был далеко не внушительным физически: он был невысоким и коренастым (ростом около 160 см), с плохими зубами и глухотой на одно ухо в более позднем возрасте<sup>10</sup>. Из-за достаточно темной кожи Томского часто уничижительно называли татаринком. Тем не менее практически все профсоюзное руководство и большая часть политического были на протяжении 1920-х годов полностью ему преданы. Они создали вокруг него небольшой культ личности. Хотя он был самым скромным из большевистских лидеров, его именем называли многочисленные заводы, спортивный стадион, корабль, а также Высшую профсоюзную школу в Москве. Профсоюзное руководство при Томском также оказало ему честь, опубликовав четыре тома его статей и речей, прежде чем он впал в немилость<sup>11</sup>. Ленин, который за пределами партийных собраний был плохим оратором, высоко ценил взаимоотношения Томского с рабочими, а также его административные навыки. В. М. Молотов соглашался, что «Томский — хороший

---

<sup>9</sup> Бухарин и Рыков также пользовались большой личной популярностью. Но, похоже, из них троих Томский был наиболее популярен среди рядовых членов партии. Троцкий и Зиновьев, напротив, ею не пользовались.

<sup>10</sup> Рост Томского, возможно, был не таким уж низким. Многие из старых большевиков были невысокими. Бухарин был еще ниже, ростом чуть выше 1,5 м, а Ленин — 165 см. Даже относительно высокий по сравнению с другими старыми большевиками Сталин был ростом всего 168 см.

<sup>11</sup> Публикация трех дополнительных томов была внезапно отменена после поражения Томского на VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 года.

массовик, мог говорить с рабочими» [Молотов 1991: 197]. Троцкий, его давний противник, высоко ценил в Томском «характер и язвительный, саркастический ум» [Троцкий 1988: 228]. Томский с пользой применял свое неумное чувство юмора. Опытный (хотя иногда многословный) оратор, Томский любил украшать свои речи шутками. Стенограммы его выступлений перед самыми разными аудиториями пестрят множеством пометок «смех». Даже убежденный сталинист Л. М. Каганович признавался, что «любил слушать интересные и остроумные речи Томского» [Ватлин и др. 2000а: 113]. В отличие от других партийных лидеров, Томский также умел очаровывать иностранцев, которые не были коммунистами. Эмигрантская меньшевистская газета «Социалистический вестник» описывала его в некрологе как «самую колоритную и замечательную фигуру среди вождей большевизма»<sup>12</sup>. Британские «реформистские» профсоюзные лидеры, с которыми он работал много лет, добиваясь международного профсоюзного единства, также повсеместно восхищались Томским и были очарованы его острым умом и практичным характером. Несмотря на острые разногласия во второй половине 1920-х годов, британские профсоюзные деятели были настолько огорчены, когда Томский впал в немилость, что были полны решимости вопреки официальному сопротивлению возобновить дружбу с ним во время визита в Москву в середине 1930-х годов [Citrine 1936: 81]. Томский также быстро завоевал неуклонную поддержку своих помощников по административным вопросам вскоре после того, как стал главой советской издательской индустрии в 1932 году. Эту должность он занимал до дня своей смерти в 1936 году.

Томский был умеренным как по темпераменту, так и в политике, но мог быть решительным при необходимости, даже взрываясь от гнева во время самых ожесточенных дебатов. Коллеги обычно считали его уравновешенным политиком и администратором. По словам одного современника, Томский обладал «здравым смыслом» [Dunn 1928: 164]. Хотя он оказался проницательным и гораздо более дипломатичным, чем другой «правоуклонист», поли-

<sup>12</sup> Социалистический вестник. 1936. 30 августа. С. 11.

тически неумелый Бухарин, современники поражались тому, насколько прямолинейным и откровенным обычно был Томский в политических дискуссиях и дебатах. Томский по своей природе не был расположен склоняться перед авторитетом. Продвигаясь из нищей молодежи по партийной лестнице, внутри политбюро, в качестве главы профсоюзов, Томский не чурался борьбы — даже с Лениным, который описывал его как «ловкого, твердого и упрямого человека» [Ленин 1967–1975, 53: 189]. А. Г. Шляпников, лидер рабочей оппозиции, был более критичен. Из-за готовности Томского идти на компромиссы, когда стало понятно, что партийное руководство не допустит профсоюзы до главной роли в управлении экономикой, Шляпников неоднократно называл его бесхребетным. Но большинство его коллег были категорически с этим не согласны. Троцкий полагал, что «годы каторжных работ и всяких других испытаний обнаружили в нем огромную силу физического и нравственного сопротивления» [Троцкий 1988: 228]. Один иностранный интервьюер отметил, что если его провоцировали, то лицо обычно добродушного Томского «полнилось огнем», он начинал пламенную речь [Lee 1928: 128]. Во время борьбы со сталинистами в конце 1920-х годов Молотов считал Томского «ядовитым» [Молотов 1991: 262].

Томский, который обычно проводил в трудах долгие и изнурительные часы, обладал огромной работоспособностью, из-за которой у него редко оставалось время для жены и детей. Он часто не справлялся с этим напряжением. Как и практически все остальные «старые большевики», особенно те, кто не провел дореволюционных лет в европейской эмиграции, Томский страдал от частых приступов изнурительной болезни. Годы вдыхания токсичных паров в качестве литографа, а также девять лет тюрьмы и пребывания в холоде сибирской ссылки подорвали его здоровье на всю дальнейшую жизнь, из-за чего ему иногда приходилось не только делать перерывы в работе, но и лечиться за границей. Поскольку его самые тяжелые физические расстройства случались во время особенно жестоких политических нападков, возникает соблазн охарактеризовать недуги Томского как психосоматические; впрочем, это не делает их симптомы менее разру-

шительными. В любом случае Томский, некогда неизменно жизнерадостный даже в тюрьме, после своего отстранения от власти впадал во все большее уныние и даже глубокую депрессию. Врачи неоднократно диагностировали у него нервные срывы.

По всем свидетельствам, в том числе однопартийцев с радикально отличными взглядами, Томский был самым умеренным из большевиков. Но что значит — быть умеренным большевиком? Существует представление, что само понятие умеренного большевизма является оксюмороном<sup>13</sup>. Но большевистская политика во время событий 1917 года, Гражданской войны и НЭПа была явно гораздо менее монолитной и однородной, чем та, которая утвердилась в 1930-е годы. Несмотря на общую приверженность защите дела революции, лидеры большевистской партии придерживались различных взглядов и широкого спектра политических позиций. Будучи прагматичным лидером в своей области и одновременно входя в круг высших партийных чиновников, Томский пытался найти устойчивую золотую середину между защитой автономии профсоюзов от правительства и поддержкой общего надзора партии за их деятельностью. Его противодействие опрометчивой экономической политике в конечном итоге оказалось центральным элементом его умеренных взглядов. Томский, вместе с другими партийными лидерами безуспешно боровшийся, чтобы преодолеть тяжелейшие последствия Гражданской войны, впоследствии решительно выступал за постепенный, эволюционный подход к индустриализации и коллективизации. Он оказался одним из самых горячих сторонников умеренной экономической политики НЭПа, развернувшейся в 1921 году. Осторожный прагматизм, который он воплощал и который разделяли с ним большинство его коллег, советских профсоюзных активистов, резко контрастировал с романтическим авантюризмом других членов партийного руководства. Томский не считал, что партии следует гнаться за утопическими мечтами или опираться на радикальный энтузиазм, так называемую революционно-героическую тради-

---

<sup>13</sup> Отрицание конфликта между радикалами и умеренными большевиками релевантно относительно 1930-х годов, однако никак не 1920-х.

цию в партии. Артур Розенберг, один из его современников, член немецкого Коминтерна крайне левых взглядов, так характеризовал этого высококвалифицированного бывшего литографа:

Томский представлял точку зрения меньшинства квалифицированных и высокооплачиваемых российских рабочих, уставших от революции и отказывавшихся дальше слушать социалистические басни. Их желанием было защитить и улучшить свои жилищные условия при содействии профсоюзов. Если бы Советское государство приняло полусреднеклассовый характер, это не вызвало бы у них какого-либо беспокойства, поскольку квалифицированные рабочие как профессиональный класс вряд ли пострадали бы от таких изменений [Rosenberg 1934: 206].

Хотя в этом отождествлении Томского с квалифицированными рабочими есть доля истины, оно преувеличено в том смысле, что, как только экономические условия НЭПа стабилизировались, он, как глава профсоюзов, отстаивал права неквалифицированных рабочих, особенно в рамках своих усилий по сокращению огромной разницы в заработной плате между ними и квалифицированными специалистами. Томский также боролся за улучшение возможностей трудоустройства для женщин и молодых рабочих, хотя, возможно, не так упорно, как мог бы.

В отличие от всех этих проявлений умеренности, Томский оказался ревностным участником внутрипартийной борьбы за власть и во время политических разногласий мог быть далеко не умеренным по отношению к тем, с кем он радикально не соглашался, особенно к тем, кто, по его мнению, угрожал отказом от умеренной экономической политики НЭПа. Ничем не походя на социал-демократа европейского образца, Томский поддержал запрет внутри большевистской партии диссидентских фракций, выступавших против его умеренной политики. Он работал рука об руку со Сталиным, с Бухариным и Рыковым, чтобы сокрушить по очереди левую, зиновьевскую и «объединенную оппозицию». Помимо того что он разделял нежелание большевиков терпеть любое инакомыслие в своих рядах, именно осуждение политики

Троцкого и неприязнь к его надменной личности во многом обусловили роль Томского во время внутрипартийной борьбы за власть, включая его союз со Сталиным.

Томский и Троцкий были в партийном руководстве полярностями. В противоположность относительной умеренности Томского, отстаивавшего НЭП и профсоюзы, Троцкий в первые годы советского режима был типичным партийным радикалом, пропагандируя милитаризацию труда, создание «трудовых армий» и «встряхивание» профсоюзов. Томский столкнулся с Троцким и по поводу международных дел. Первое время разделяя опьяняющую веру большевиков, что революция в России вызовет революции в Европе и Азии, Томский стремился выстроить связи между советскими рабочими и некоммунистическими профсоюзами в Европе. Это снова привело к конфронтации с Троцким, разжигателем международной революции. Но Томский, как и многие другие, совершенно не смог понять, почему Сталин, который, казалось, разделял его умеренные взгляды, в конечном итоге оттолкнул его и, по сути, принял платформу Троцкого. Есть сведения, что Томский жаловался своим друзьям: «Мы думали, что, покончив с Троцким, сможем спокойно работать, а оказывается (!), что к нам тоже хотят применить такие же методы борьбы»<sup>14</sup>.

Последнее крупное сражение в защиту умеренной политики НЭПа произошло в декабре 1928 года на территории Томского — внутри профсоюзного руководства, где он пользовался практически неоспоримым личным авторитетом. Другие умеренные в партийном руководстве надеялись, что Томский, единственный член политбюро, одновременно возглавивший массовую непартийную организацию, сможет мобилизовать профсоюзных функционеров для отпора сталинским интригам. То, что Томский и его союзники не сумели начать публичную борьбу против Сталина, пока их авторитет был еще велик, рассматривалось как их главная ошибка [Daniels 1960: 363]. Но лояльность Томского партии, *партийность* побуждали его избегать всякого раскола внутри партии как способного фатально ее подорвать. Действи-

---

<sup>14</sup> Цит. по: [Фельштинский и др. 2002: 124].

тельно, он и его умеренные коллеги, которые на протяжении года вели решительную закулисную борьбу, никогда не рассматривали возможности через голову Сталина обратиться к рядовым членам партии, как это годом ранее попыталась сделать «объединенная оппозиция». Даже утвердившись во мнении, что Сталин представляет собой экзистенциальную угрозу революции, умеренные отказывались делать что-либо, что было способно поставить под угрозу монополию партии большевиков на политическую власть.

Томский отрекался от своих политических «ошибок» в течение последних шести с лишним лет жизни, но у сталинистов были веские основания сомневаться в его искренности. Томский в частном порядке осуждал руководство Сталина в начале 1930-х годов и фантазировал вместе с другими бывшими оппозиционерами о его отстранении от власти. Из этого ничего не вышло, кроме усиления преследований со стороны сталинского руководства. Несмотря на все мучения, причиненные ему сталинистами, Томский оставался предан делу большевиков и гордился своим лидерством в книгоиздательском деле, где он мужественно пришел на помощь по крайней мере одному бывшему коллеге, над которым тучи сгустились еще больше, чем над ним самим. Будучи главой советского издательского дела, Томский обновил отрасль, реализовал сталинскую доктрину социалистического реализма и под интенсивным давлением опубликовал поистине колоссальное количество учебников. И все это время он терпел неослабевающее политическое преследование со стороны сталинистов, в том числе вызывавших его для объяснений на многочисленные комиссии, пленумы ЦК и партийные съезды.

Томский, как и другие, никогда не предполагал, что Сталин будет преследовать своих бывших партийных оппонентов, пока не сведет их в могилу. Однако, поняв, что Сталин полон решимости провести против него и других бывших участников разгромленных оппозиционных групп внутри партии то, что впоследствии было названо Большим террором, Томский, в отличие от других, решил взять дело в свои руки.

# Глава 1

## Создавая умеренного большевистского лидера-рабочего

Томский... был, несомненно, самым выдающимся рабочим, которого выдвинула большевистская партия, а пожалуй, и русская революция в целом.

*Л. Троцкий* [Троцкий 1988: 228]

Эта глава посвящена юности Томского и годам его участия в революционном движении накануне захвата власти большевиками в 1917 году. Именно этим участием объясняется подъем Томского в высшие ряды большевистской партии, несмотря на наличие у него только начального школьного образования. До революции на его формирование влиял опыт типичного рабочего-интеллигента, однако, в отличие от других подобных ему рабочих, Томский стал членом большевистского руководства<sup>1</sup>. Его благоразумная осторожность в революции 1905 года и в течение 1917 года демонстрирует, что Томский довольно последовательно отстаивал умеренные позиции как до, так и после захвата власти большевиками, в большей степени, чем другие так называемые правые большевики в партийном руководстве<sup>2</sup>. Оказавшись на

<sup>1</sup> Самым заметным исключением является Шляпников, квалифицированный рабочий, который в течение года был наркомом труда, прежде чем стать лидером «рабочей оппозиции».

<sup>2</sup> Наиболее очевидным примером этого является Бухарин, который в 1918 году находился на крайне левом фланге.

вершине, Томский не стеснялся бросать вызов другим партийным лидерам. Его честолюбие, недюжинная самоуверенность и дар публичных выступлений, а также политические способности и относительно умеренные взгляды выделяли его среди тысяч большевиков, вышедших из рабочих. Типичными же были его страдания от рук царской политической полиции, хотя Томский провел в тюрьме и сибирской ссылке почти вдвое больше времени, чем средний большевистский активист [Figes 1996: 124]. Именно после своего первого пребывания в Сибири Томский, урожденный Михаил Павлович Ефремов, взял себе свой революционный псевдоним. Хотя Томский разделял общее среди большевистской верхушки нежелание делиться аспектами личной жизни, в этой главе мы постараемся охарактеризовать его с этой стороны.

Ранний жизненный опыт Томского помогает нам понять, как он смог подняться до вершины политической власти после большевистской революции. Обращаясь к его молодости и политической карьере, полезно сравнить их с опытом С. И. Канатчикова, другого рабочего-интеллигента в большевистском движении, который, в отличие от Томского и практически всех бывших рабочих, написал объемную автобиографию. Мемуары Канатчикова, которые позволяют следовать за ним от его первых робких шагов на заводе к последующему превращению в квалифицированного и радикально настроенного рабочего, дают представление о многих переживаниях, общих для Канатчикова и Томского. Они оба выделялись из массы своих коллег благодаря приобретению высокой квалификации и участию в революционном движении, повлекшему за собой различные привилегии и лишения. Их пути разошлись, когда Томский поднялся в высший властный эшелон большевистской партии и раннего советского режима, но в 1930-е годы их траектории снова сблизились, когда они оба пострадали из-за своего оппозиционного прошлого.

Томский и Канатчиков разделяли схожий ранний жизненный опыт. Рожденные в нищете с разницей в год (Канатчиков — в 1879 году, Томский — в 1880 году), они достигли совершеннолетия во время индустриального бума конца XIX века. Выросшие в семьях, которые боролись за выживание, оба в подростковом

возрасте начали работать в промышленности. Значительное различие в их опыте — это социальная среда, в которой они провели свои детские годы. Канатчиков вырос в бедной крестьянской семье в московской глубинке, от однообразия которой ему не терпелось сбежать. Томский, напротив, провел свои ранние годы в убогом фабричном городке Колпино на окраине Санкт-Петербурга, что делает его нетипичным рабочим, поскольку большинство из них в 1890-е годы, как и Канатчиков, начинали свою жизнь крестьянами в деревнях<sup>3</sup>. Его отец был мастером по металлу, а мать — швеей. Томский был одним из тех сравнительно немногих рабочих, которых советские историки называли потомственными пролетариями<sup>4</sup>.

Тем не менее многие аспекты культуры низшего класса преодолевали границу между деревней и городом. Запой, распространенные в России среди мужчин, крестьян и рабочих, и сопряженное с ними домашнее насилие сформировали как Канатчикова, так и Томского, хотя и совершенно по-разному. Избиения следовали всякий раз, когда деспотичный отец Канатчикова возвращался домой после пьянки, держа в «страхе божьем» малолетнего Семена, его братьев и сестер, а особенно его мать и провоцируя то, что Канатчиков назвал чувством «звериной ненависти» к отцу [Канатчиков 1932: 12–13]. Томскому, никогда не знавшему своего отца, возможно, повезло. С силой или, возможно, безрассудством, которого не хватало матери Канатчикова, мать Томского незадолго до его рождения решила стать матерью-одиночкой, отказавшись дальше терпеть постоянные побои и оскорбления от мужа-пьяницы. Но, хотя Томский никогда не

---

<sup>3</sup> РГАСПИ. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. В Колпино, находящемся в нескольких километрах к юго-востоку от границ Санкт-Петербурга, работали большие государственные оружейные и кораблестроительные комплексы, а также металлообрабатывающий завод. Как писал Андрей Белый в романе «Петербург», «мрачнее места и нет! <...> Многотрубное, многодымное Колпино!» [Белый 1981: 100–102].

<sup>4</sup> В 1902 году на петербургских промышленных предприятиях, как ни удивительно, была самая низкая в российской промышленности доля потомственных рабочих [Economakis 1998: 7–8].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

[e-Univers.ru](http://e-Univers.ru)